

«СТУДИЯ ОЛЕГА ТАБАКОВА»

«КАК-ТО я перебирал в памяти самые дорогие для меня события жизни. И первым встало рождение «Современника»... Ночь, а мы репетируем первый наш спектакль. В промежутке между своими сценами иногда заберешься в угол, хоть немного вздремнешь. А просыпаясь, видишь — люди работают, все движется, дышит... И сердце твое прыгает: идет дело-то, идет!»

Так началась наша беседа с Олегом Табаковым, популярнейшим актером московского театра «Современник».

Первый выход студии «Современник» на сцену — памятное событие не только в биографии артиста, но и для всей театральной Москвы. На рубеже 50—60-х годов во многом именно эта студия принесла свежий ветер обновления в драматический театр. Спектакли молодых — с их острым чувством современности, с удивительной естественностью актерской игры — взбудоражили умы, пленили сердца, прочно завоевав и публику, и критику.

Все это было потом. А во времена тех ночных репетиций, о которых вспоминает Табаков (в ту пору — студент

театральной школы МХАТ), будущее дела, затеянного молодыми артистами, еще покрывал туман неизвестности. Правда, Табаков уже тогда был замечен, снимался в кино, а после окончания учебы получил приглашение в Московский театр драмы имени Станиславского — сразу на роль князя Мышкина в спектакле «Идиот» по роману Достоевского. Но выбрал юный артист студию, только что родившуюся, неизвестную.

Сегодня Олег Табаков — один из ведущих мастеров «Современника». Он — Мальволио в «Двенадцатой ночи» Шекспира и директор в спектакле «Погода на завтра» по пьесе Шатрова; он — Петер Стокман в «Докторе Стокмане» Ибсена и татарин в «На дне» Горького, он — Александр Адуев в «Обыкновенной истории» Гончарова и Балалайкин в пьесе «Балалайкин и К°» по произведению Салтыкова-Щедрина... Он постоянно работает в кино, на телевидении, на радио. Но этого мало: Табаков принимается за новое дело...

— Мысль о своей студии, — рассказывает он, — появилась у меня давно. А в январе 1974 года я прочитал друзьям изложенные мной на 15 машинописных страницах принципы строительства но-

вого театрального дела. С той поры мы им и увлечены. Нас четверо. Это артисты театра «Современник» Авангард Леонтьев и Константин Райкин, выпускник училища при театре имени Вахтангова Андрей Дроздин и я. Поначалу мы создали детскую студию. Просмотрели три тысячи детей 14—15 лет со всей Москвы. Отобрали 49 и два года занимались с ними. Десять из них поступили в театральный институт имени Луначарского. Вместе с другими студентами они составили экспериментальный курс, где мы — педагоги. На базе этого курса и возникла новая студия...

Мы беседуем с Олегом Табаковым в зале этой студии — он находится в подвальном помещении обычного жилого дома. Выступления молодой труппы начались более двух лет назад, но в ее репертуаре уже пять спектаклей, и московские театралы прекрасно знают путь в этот более чем скромный зал, где всего несколько зрительских рядов.

После первого спектакля, который я увидела у студийцев, не верилось, что играющие студенты, пусть и театрального института — так это высокопрофессионально и самостоятельно.

— Мы стремимся, — говорил мне Табаков, — работать, если угодно, свою

методику воспитания актера. Кстати, нам помогают на общественных началах специалисты — психологи. Одна из целей — высокая оснащенность молодых артистов всеми средствами актерского ремесла: для нас важна виртуозная техника голоса, речи, движения и свобода импровизации... Но важно и умение понимать свое время, умение иметь свою гражданскую позицию, умение мыслить, чувствовать и сопереживать... Хотелось бы, чтобы воспитанники наши были актеры и личности, профессионалы и интеллигенты. Студия — это не только место разработки новой театральной эстетики, но и способ существования вместе, познания этических принципов. Мы вместе летом путешествуем по стране, многое вместе смотрим, слушаем.

Мы вместе заботимся о быте и бытии нашей студии. Здесь надо и пол подметать, и пыль вытирать, и зашивать, и пришить... Здесь размер ответственности иной. Студиец вступает в наш театр не из отдела кадров, а «изнутри» и учится, как призывал Станиславский, любить не себя в искусстве, а искусство — в себе.

— Спектакли вашей студии по темам, сюжетам очень разные. «Прощай, Маугли»

по «Книге джунглей» Киплинга, «С весной я вернусь» — пьеса молодого драматурга Александра Казанцева о Павле Корчагине, «Две стрелы» Александра Володина — притча, названная «детективом каменного века», сказка «Белоснежка и семь гномов» (кстати, последний спектакль студии доверено показывать на сцене «Современника»)... Все они разные по своему театральному облику. Каково же ваше художественное кредо?

— Не канонизировать свое «лицо», а каждый раз авторской уникальности произведения сообщать уникальную театральную форму, — отвечает Олег Табаков. — И использовать для того все богатства театрального искусства. Не «прочтение» пьесы, а открытие мира ее автора — вот цель.

В своих честолобивых устремлениях я вижу студию профессиональным театром, но это не так просто. А пока... мы работаем. У нас уже есть предложения на гастроли, даже на зарубежные. Побывали в Венгрии, где наши спектакли были приняты очень тепло. Да, самое главное, что мы работаем и смотрим в будущее...

С. ДАВЛЕКАМОВА,
театральный критик.